Г. Н. МОИСЕЕВА

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕКАТЕРИНА II

Вопрос об отношении Екатерины II к рукописному памятнику Древней Руси — «Слову о полку Игореве» — впервые привлек внимание П. П. Пекарского, когда он в феврале 1864 г. при разборе дел Государственного архива нашел «в переплетенном фолианте с рукописями государыни Екатерины II список „Слова о полку Игореве", достоверно снятый с подлинника, уничтоженного во время московского пожара в 1812 году, и предшествовавший первому изданию этого памятника».[1] В «Докладной записке» П. П. Пекарского сообщены первоначальные выводы ученого о копии «Слова», названной впоследствии Екатерининской: «Список, сохранившийся в бумагах императрицы Екатерины II, тем примечателен, что это есть единственная доныне известная копия с подлинной рукописи „Слова о полку Игореве", а не с печатного издания ея. Открытие сего списка в бумагах государыни удостоверяет, что он был сделан собственно для нее ранее ноября 1796 г. (время кончины Екатерины II) и, стало быть, за несколько лет прежде издания в свет „Слова о полку Игореве" в 1800 г. ‹...›

Из сличения копии „Слова", хранящейся между бумагами императрицы, с печатным изданием оказывается, что между ними есть только незначительные варианты, что придает новую цену изданию сего памятника, сделанному в 1800 году графом Мусиным-Пушкиным»[2].

В том же 1864 г. П. П. Пекарским были опубликованы найденные им материалы с небольшой вступительной статьей, в которой было отмечено, что «Екатерининский список „Слова" переписан рукою того же писца, который писал некоторые из справок и запи-

[1] ЦГАДА, ф. 31, д. 182, л. 11

[2] ЦГАДА, ф. 31, д. 182, л. 23 об.—25.

© Г. Н. Моисеева, 1993

сок, обращенных к императрице. Что список этот был читан и при том со вниманием, то доказывают сделанные в нем карандашные отметки против некоторых выражений. Вместе с тем следует сказать, что в фолианте, в котором переплетен список, встречается очень много великокняжеских родословий, черченных и писанных самою Екатериною: видно, что она, занимаясь этим, желала уяснить себе родственные отношения разных княжеских родов: самая большая часть таких родословных заметок императрицы касаются именно той эпохи и именно тех князей, о которых идет речь в „Слове о полку Игореве", в чем не трудно убедиться, когда просмотреть листы: 184, 188, 189, 190, 191, 193 и мн. др.».[3]

Екатерининская копия и перевод «Слова о полку Игореве» с 1864 г. стали объектом внимательного изучения ученых многих поколений. Но брошенная П. П. Пекарским мысль о какой-то неясной связи этих материалов с интересами Екатерины II к «Слову» не получила в дальнейшем научного рассмотрения.

Прежде чем мы обратимся к непосредственному изучению проблемы «Екатерина II и „Слово о полку Игореве"», остановимся кратко на понимании круга знаний и представлений русской императрицы о русской истории и древнерусской литературе.

Внимание Екатерины II к русской истории относится к началу 60-х гг. XVIII в. Во время коронационных торжеств в Москве в сентябре 1762 г. Екатерина посетила Троице-Сергиев монастырь и осмотрела его библиотеку. Тогда же она заказала копию со сборника исторического содержания, большую часть которого занимает «История в память предидущим родом» Авраамия Палицына. В настоящее время копия, снятая в 1762 г. с обширного (215 л.) сборника исторического содержания, принадлежавшего Троице-Сергиевой лавре, хранится в Эрмитажном собрании ГПБ (№ 370). Эта копия с Троицкого исторического сборника была, таким образом, одной из первых рукописных книг, которые положили основание Эрмитажному собранию Екатерины II, выросшему к 90-м гг. XVII в. до 40 000 книг.[4] В библиотеке императрицы, занимавшейся русской историей, было собрано около 150 рукописей.[5] В основном это бы-

---

[3] «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарского // Приложение к V тому Записок имп. Академии наук. СПб., 1864. С. 6—7.

[4] *Павлова Ж. К.* Книжное собрание Эрмитажа 1762—1917: (Из истории русской культуры 2-й половины XVII—нач. XIX в.): Автореф. дис.... канд. филол. наук Л., 1972. С. 5.

[5] *Альшиц Д. Н.* Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание. М., 1968. С. 119.

ли списки с древнерусских рукописей, хранившихся в монастырских библиотеках и в частных собраниях. Подлинных древних рукописей было значительно меньше, так как «державный историк» Екатерина II не могла их свободно читать, и для нее делали копии, переписанные крупным и четким каллиграфическим почерком.

Рукописи собирались в частных собраниях. Так, сохранилось письмо Екатерины II к П. Н. Трубецкому от 27 октября 1767 г.: «Князь Петр Никитич! Уведомилась я, что в библиотеке покойного отца Вашего есть старинной журнал царя Ивана Васильевича и Разрядная книга. И если оное правда, то я весьма желаю их видеть и велеть списать для себя. Отыщите и пришлите их ко мне».[6] Находясь в 1767 г. в Нижнем Новгороде, Екатерина II приказала местному архиерею собрать «сколь можно известий летописцев и переслать их в Петербург».[7] Она была знакома с собранием рукописей графов Строгановых. А в конце 70-х гг. XVIII в. Екатерина познакомилась с «Собранием российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. В автобиографической «Записке», написанной в третьем лице, А. И. Мусин-Пушкин сообщал: «Великая Екатерина, узнав о сем (о собрании рукописей. — *Г. М.*), удостоила его (Мусина-Пушкина. — *Г. М.*) личного с собою обращения. Ей угодно было видеть собранные им некоторые летописи и Крекшину принадлежавшие бумаги, которые с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя, а вместо того пожаловала ему несколько харатейных книг и древних летописей и бумаг, в кабинете ея находившихся, кои самой ей читать было трудно».[8] Для Екатерины II были подготовлены копии многих древнерусских памятников из Патриаршего (Синодального) собрания, Типографской библиотеки, архива Коллегии иностранных дел, собрания рукописей Троице-Сергиева монастыря. Из этого последнего собрания Екатериной была получена летопись, позднее названная Троицкой. В «Реестре», по которому в 1778 г. все троицкие летописи были возвращены в Москву, о Троицкой летописи, состоящей в одном конволюте с другой летописью, сказано: «Находятся еще два летописца, один со времени также Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергаменте, в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординскаго, при князе Василие Дмитриевиче».[9]

---

[6] *Иконников В. С.* Императрица Екатерина II как историк // Русский архив. М., 1911. № 7. С. 306—307.

[7] Там же. С. 305.

[8] Записки для биографии <...> Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. М., 1813. Ч. 71. С. 81—82.

[9] ЛОИИ, ф. 203 (Екатерины II), оп.1. № 66, л. 5.

Это первое описание Троицкой летописи начала XV в., сгоревшей в 1812 г. в московском пожаре. Еще более подробное ее описание помещено в списке рукописей, собранных в Синоде для отсылки их «державному историку»:[10] В ноябре—декабре 1792 г. с Троицкой летописью ознакомился в семинарской библиотеке монастыря чешский славист Йозеф Добровский.[11] А в 1804 г. эти рукописи, в том числе и Троицкую пергаменную летопись начала XV в., видел в библиотеке Троице-Сергиева монастыря Н. М. Карамзин, который оставил подробное описание своего посещения и сообщил сведения о судьбе рукописей: «В Лавре две библиотеки: одна принадлежит семинарии, а другая — монастырю; первая состоит их 600 книг иностранных и русских, исторических, нравоучительных, богословских и прочих; а во второй — одни церковные книги и рукописи ‹...› Все исторические рукописи были из Троицкой библиотеки посыланы Екатерине Великой, которая столь ревностно занималась нашей историею».[12]

Троицкая пергаменная летопись 1408 г., использованная в копии, к великому сожалению до нас не дошедшей или еще не найденной, послужила Екатерине II одним из основных материалов в ее работе над «Записками касательно российской истории», которые относились к событиям конца XIII—XIV вв.[13] Кроме того, материалы о «рождении» и о «бракосочетаниях князей российских» она очень широко использовала в «Родословнике», являющемся 5-й частью этих «Записок», а в 1793 г. напечатанном отдельным изданием.

Обратим внимание на впервые использованные в печати сведения по русской истории, которыми располагала Екатерина II к концу 60-х гг. XVIII в.

В феврале 1761 г. в Петербург прибыл приглашенный Академией наук для поездки в Сибирь с целью наблюдения «прохождения Венеры между Солнцем и Землей» французский астроном аббат Ж. Шапп д'Отерош. Вскоре он выехал в Тобольск, а в январе 1762 г. на заседании Академического собрания читал свою диссертацию, которая с разрешения президента К. Г. Разумовского в том же году была напечатана на французском языке: Chappe d'Auteroche. Mémoire du passage de Vénus sur le Soleil ‹...› faites à Tobolsk en Sibérie l'année 1761. St.-Pétersbourg, 1762. В 1768 г. в Париже была издана новая книга

---

10 ЦГАДА, ф. 1270 (Мусиных-Пушкиных), оп. 1, № 46, л. 14.

11 *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI—XVIII веков в изучении чешского слависта. Л., 1990. С. 129.

12 *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. // Сочинения Карамзина. СПб., 1848. Т. 1. С. 481.

13 *Моисеева Г. Н.* Троицкая летопись в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Л., 1976 Т.30. С. 263—271.

аббата Шаппа д'Отероша, посвященная его путешествию в Сибирь в 1761 г. Но в новом издании астрономическим наблюдениям было отведено незначительное место. Большее внимание он уделил описанию «нравов и обычаев русских и теперешнему состоянию этой державы». Книга французского астронома была снабжена географическими картами, планами, гравюрами.

В 1770 г. вышло двухтомное анонимное издание под названием: «Antidote, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Vouage en Siberie fait par ordre de roi en 1761 par m. L'abbé Chappe d'Auterauche» «Противоядие, или разбор дурной, великолепно напечатанной книги под заглавием: Путешествие в Сибирь по приказанию короля в 1761 г. аббата Шаппа д'Отероша». Предполагаемое место издания — Санкт-Петербург.[14]

И современники, и ученые XIX—XX вв. знали об участии Екатерины II в написании этой книги. Акад. А. Н. Пыпин, не сомневавшийся в принадлежности «Антидота» Екатерине II, издал его в собрании ее сочинений. [15]

В данной работе нас интересует не публицистическая направленность этого сочинения, обращенного против утверждения аббата д'Отероша о деспотическом характере правления в России, о рабстве народа и продажности чиновников. Мы остановимся исключительно на отдельных моментах полемики Екатерины II по вопросам русской истории. Главное, на что мы обратим внимание, это указание источников, основательно прочтенных русской императрицей.

Екатерина II отметила много неточностей в описании свадьбы царя Михаила Федоровича, имевшихся в сочинении аббата д'Отероша.[16] Опровергая утверждения французского астронома, Екатерина пишет: «Ничего этого нет в моей рукописи»;[17] «Далее в моей рукописи просто замечено, что духовенство и миряне приносили по-

---

[14] Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984. Т. 1: A—G. С. 174, № 583; 2-е изд. Afnsterdam, 1772. Русский перевод: Осмнадцатый век: Исторический сборник. М., 1869. Кн. 4.

[15] *Пыпин А. Н.* Исторические труды императрицы Екатерины II // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. СПб., 1906. Т. 11. С. VII; *Иконников В. С.* Императрица Екатерина II как историк. Киев, 1911. С. 3; *Ключевский В. Д.* Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 421; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 2. С. 253; *Гаврилова Л. М.* «Антидот» Екатерины II и «теория официальной народности» // Историографический сборник. Саратов, 1989. С. 144—153.

[16] Осмнадцатый век. С. 268—378.

[17] Там же. С. 375.

здравления их величествам»;[18] «Я нахожу в моей рукописи, что их величества обедали на троне»;[19] «Рукопись моя говорит <...>»[20]

В 1773 г. вышла из печати первая часть «Древней российской вивлиофики», издаваемой Н. И. Новиковым. Она открывалась публикацией «Описания брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Федоровича лета 7134 (1626 г.)», полученного из «комнатной библиотеки ея высочества».[21] Из переписки Н. И. Новикова с секретарем Екатерины II Г. В. Козицким от 30 октября 1773 г. видно, что императрица обещала дать для издания в «Древней российской вивлиофике» «известия о родах княжеских и дворянских для „Собрания полной книги родословной“.[22] Следовательно, уже в 1773 г. Екатерина II начала готовить работу над «Родословником князей великих и удельных рода Рюрика», который был издан в 1793 г. в V части журнала «Собеседник любителей российского слова» и в том же году вышел отдельным изданием.

В начале 80-х гг. XVIII в.[23] была напечатана в «Санкт-Петербургской императорской типографии» «Выпись хронологическая из истории русской» (без указания года издания). Начиналась книга с повествования по истории Руси с 860 г., от князя Гостомысла до смерти Владимира Святославича и разделения государства между двенадцатью его сыновьями.[24] С 1015 г. тип изложения меняется: на развороте страницы, разграфленной вертикально, в верхней графе назван город, в следующей графе — владеющий им князь. И еще ниже города объединены в «родовые гнезда»: «Ростиславичи», «Святославичи», «Всеславичи», «Ярославичи», «Олговичи». Общее повествование заканчивается 1141 г., сообщением о том, что «князь Игорь Олгович почитает себя обиженным», поэтому он едет на съезд князей «к Киеву», надеясь на прибавление к его «отчине» новых городов.

---

18 Там же. С. 377.

19 Там же. С. 378.

20 Там же. С. 379.

21 Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1802. Т. 4. С. 42.

22 Там же. С. 43.

23 Библиографическое известие: Выпись хронологическая из истории русской // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 42. С. 131—141. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 1: А—И» (М., 1962. С. 332, № 2133) указано, что издание это было неоконченное.

24 Выпись хронологическая из истории русской. СПб., [б. г.]. С. 3—23. (БАН 1783/110).

Печатное издание «Выписи хронологической», по-видимому не вышедшее в свет, сыграло определенную роль в уточнении представлений Екатерины II о русской истории и помогло ей, как мы покажем далее, составить мнение о действующих лицах «Слова о полку Игореве».

К 4 декабря 1783 г. относится указ Екатерины II о создании «Исторического собрания»: «Ея императорское величество указать соизволила под начальством и наблюдением графа Андрея Петровича Шувалова назначить несколько человек, коих совокупные труды составили бы полезные записки о древней истории, наипаче касающейся до России».[25] Труды этого «Собрания» было указано печатать «на кабинетском иждивении».

К сожалению, кроме этого указа Екатерины II, ничего не известно о деятельности этого «Исторического собрания». Но сам замысел Екатерины II, задумавшей создать «совокупные труды» по истории России, заслуживает внимания, особенно в связи с тем, что как раз с этого года начали печататься ее «Записки касательно российской истории».

Наиболее полное представление о Екатерине II—историке дают «Записки касательно российской истории», которые печатались в журнале «Собеседник любителей российского слова» с 1783 по 1793 г. Исторические события в них доведены от древнейшей эпохи до 1224 г. — до описания татаро-монгольского нашествия.

Не располагая в этой работе возможностью анализа источников «Записок касательно российской истории», остановимся только на рассказе о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., который помещен в XII части «Собеседника» за 1784 г.

«Игорь Святославич Северский, узнав о походе Святослава Всеволодовича Киевского, немедленно собрав войско, хотел итти чрез поле к соединению со Святославом и Рюриком».[26] Речь идет о победоносном походе на половцев в феврале 1185 г. В «Записках касательно российской истории» сказано о том, что Игоря Новгород-Северского удержала «великая вьюга» и советы «вельмож». Но, возвратясь в Новгород-Северский, Игорь Святославич «не долго медля, паки собрал войска, призвал из Трубческа брата своего Всеволода Святославича, из Рыльска сыновца Святослава Ольговича, из Путивля сына Владимира Игоревича и у Ярослава Всеволодовича Черниговского выпросил войско с Олстином Олестичем внуком Прохоровым, и пошел из Новагородка апреля 13 дня».[27]

---

[25] Библиографическое известие: Выпись хронологическая из истории русской // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. С. 138—139.

[26] Записки касательно российской истории // Собеседник любителей российского слова. СПб., 1784. Ч. 12. С. 131.

[27] Там же. С. 132.

Начало рассказа о походе Игоря Святославича на половцев почти дословно совпадает с текстом «Истории российской» В. Н. Татищева. Сходство продолжается и в дальнейшем, расходясь в некоторых деталях.

В. Н. Татищев.
«История российская»

«И тако продолжал путь свой к Донцу. На вечер же маия 1-го дня увидели затмение солнечное, котораго осталось часть, яко луна трех дней. В рогах его яко угль горечий был, звезды были видимы и в очах было зелено. И сказал вельможам своим: „Видите ли сие?" Они же, ужасшись, опустили головы и сказали ему: „Сие знамение не на добро есть". На что им Игорь отвечал: „Тайны божия неисповедимы, и никто знать его определения [не] может, он бо творец есть мира, солнца и знамения сего, яко же и нас всех, что хочет, то и творит, добро или зло. Мы определия его пременить не можем. Не весте ли, яко без знамения кого хочет наказует, и знамения такие многократно никоего зла не приносят. И кто ведает, для нас ли или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах". Тако сказав, перешед Донец».[28]

Екатерина II.
«Записки касательно российской истории»

Игорь «продолжал путь свой к Донцу; на вечер же Майя 1 дня увидел затмение солнечное, котораго осталась часть яко луна в горах и звезды были видимы, и некоторые из окружавших его сказали ему: сие есть предзнаменование не на добро; на что им Игорь ответствовал: „всякое чрезвычайное приключение, слабаго духа, как то, робкие, боязливые и суеверы, предзнаменования толкуют и тем себе подобных убеждают, мудрые же ободряют войски, и тем приготовляют над неприятелем победу и одоление". И тако сказав Игорь перешед Донец».[29]

Мы видим, что, следуя рассказу В. Н. Татищева, Екатерина II совершенно переосмыслила речь Игоря Святославича к своей дружине по поводу внезапно наступившего солнечного затмения.

В. Н. Татищев вкладывает в уста князя Игоря Святославича рационалистическое толкование солнечного затмения: „...кто ведает, для нас ли или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах»." Екатерина II «повертывает» это объяснение Игорем «знамения» в идеологический аспект: люди «слабого духа, боязливые и суеверы предзнаменования толкуют и тем себе подобных убеждают, мудрые же одобряют войски, и тем приготовляют над неприятелем победу и одоление».

---

28 История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тритцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1774. Кн. 3. С. 261—262

29 Записки касательно российской истории. С. 133.

Все ученые, занимавшиеся выяснением источников «Истории российской», в том числе А. А. Шахматов[30] и С. Л. Петшич,[31] убедительно показали, что во II редакции многое «изобретено» В. Н. Татищевым. В работе Л. И. Сазоновой, специально посвященной анализу рассказа о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в сопоставлении с летописными данными, убедительно доказано, что в качестве основного источника сведений об этом походе В. Н. Татищев использовал текст Ипатьевской летописи по Ермолаевскому списку с дополнениями по Радзивиловской летописи.[32] Сам летописный рассказ о походе 1185 г. «получил у Татищева тенденциозную обработку, так как его главная задача была не только историческая, но и философско-нравственная».[33]

Еще в большей степени, чем у В. Н. Татищева, историческая наука была подчинена политическим целям в сочинениях Екатерины II. И в драматургии на темы древнейшей русской истории («Начальное управление Олега», 1787; «Историческое представление ‹...› из жизни Рюрика», 1786), и в «Записках касательно российской истории» императрица «направляла историческую мысль» последней четверти XVIII в. по предписанному ею руслу, давая уроки «общественного воспитания».

Но обрабатывая исторические предания (особенно древнейшего периода: времени Рюрика, Олега, Оскольда, Игоря), Екатерина II тщательно изучала исторические источники, которых, как уже указывалось выше, она собрала в своем кабинете великое множество. В Эрмитажном собрании были и подлинные древние летописи, и копии древнерусских памятников, начиная с грамот новгородских князей и ханских ярлыков и кончая обширными историческими сочинениями XVII в. Еще в 60-х гг. Екатерина II начала с увлечением заниматься русскими родословными книгами. Позднее, как мы помним, это работа вылилась в «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика». Секретарь императрицы А. В. Храповицкий записал ее слова о том, что «родословная великих князей ‹...› это проверка истории и хронологии».[34] Свой «Родословник» Екатерина II охотно давала еще до публикации в 1793 г. в рукописном виде для использования А. И. Мусину-Пушкину[35]

---

30 *Шахматов А. А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 80—95.

31 *Петшич С. Л.* Русская историография XVII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 222—262.

32 *Сазонова Л. И.* Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 29—46.

33 Там же. С. 44.

34 Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. По подлинной его рукописи, с библиографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874. С. 393.

35 Благодарственное письмо А. И. Мусина-Пушкина при возвращении в Кабинет

и И. П. Елагину.[36] Она продолжала работу над «Родословником» и после выхода его из печати. В Библиотеке Академии наук хранится печатный экземпляр, подаренный императрицей, с ее многочисленными дополнениями и уточнениями. [37]

Поэтому, работая над источниками и имея собственные представления об исторических событиях и исторических лицах, Екатерина II, пользуясь трудами уважаемого ею В. Н. Татищева, которые были ей известны в печатном[38] и в рукописном[39] виде, частично «корректировала» его сочинение.

Интересующий нас в данной работе рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в «Записках касательно российской истории» дает интересный материал.

Выше уже было показано, как Екатерина II иначе, чем В. Н. Татищев, передала истолкование объяснения Игорем Святославичем своей дружине затмения солнца, наступившего перед выходом в поход на половцев.

Обратим внимание на то, что, следуя рассказу о походе 1185 г. в «Истории российской», о вине молодых князей Святослава Ольговича и Владимира Игоревича, которые «быв полны храбростию и рвением, не слушая совета старших ‹...› желая честь прежде времени приобрести ‹...› без повеления старших князей, пошли за реку на половцов»,[40] Екатерина II как и В. Н. Татищев,[41] считала, что это ошибочное поведение было одной из причин трагического поражения русских полков. «Половцы же рано поутру со всею силою напали на чистом поле на полки Игоревы, и объехали кругом».[42] Описано далее кровопролитное сражение в субботу, когда Игорь был ранен в левую руку. А в воскресенье («в неделю») «смялся полк коуев», и Игорь, пытаясь остановить их бегство, «скинул с себя для тягости шелом ‹...› половцы, усмотря его, бросясь, объехали

Екатерины II рукописного Родословника // ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4—4 об.

36 Дневник А. В. Храповицкого. С. 427.

37 БАН. Шифр: 1787/52.

38 История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тритцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым М., 1768. Кн. 1, ч. 1; М., 1769. Кн. 1, ч. 2; М., 1773. Кн. 2; М., 1774. Кн. 3; СПб., 1784. Кн. 4. В XVIII в. была издана I редакция «Истории российской» В. Н. Татищева. Издание II редакции впервые было осуществлено под редакцией С. Н. Валка (М.; Л., 1962—1968. Т. 1—7).

39 «Tatischtschevs Schriften. Татищевы летописи» // ГПБ, Эрмитаж. собр., № 555.

40 Записки касательно российской истории. С. 136.

41 История российская... Кн. 3. С. 263.

42 Записки касательно российской истории. С. 137; История российская... Кн. 3. С. 264.

его за перестрел от полку его и взяли Игоря Святославича Северскаго жива».[43] За описанием мужественного поведения Всеволода Святославича, который бился «так долго, что уже не единыя стрелы ему не осталось, и копие его преломилось», следует трагический финал: «Так кончился сей нещастливой бой во вторую неделю Пасхи, и бысть печаль в Руской земле великая, паче же в Северском княжении».[44] Русские князья попали в плен к половецким воеводам: «Игоря взяли Торков воевода Гилбук, Всеволода Роман князь <...> но Кончак, видя Игоря раненаго, взял его на свои поруки».[45]

О поражении Игоря и его дружины Киевский великий князь Святослав Всеволодович узнал во время похода на половцев от Беловода, участника Игорева похода, который «возвестил ему нещастие Игорево и всех полков русских». Далее в «Истории российской» В. Н. Татищев пишет: «Святослав, слыша, горько заплакал о сей погибели, говоря: „О, любимые братия и воины руские! Бог мне дал половцев довольно победить и в страх привести; но вы невоздержною младостию посрамили все победы руския, ободрили боящихся нас нечестивых, и отворили им врата в Рускую землю. О младость неразсудная! мнят бо и надеются единой своей храбрости, юже они под предводительством старейших и искуснейших видели, не мня, что к тому много разума и искусства в военных делах потребно; ибо не столько сила, сколько смысл искусных, неприятелей побеждают, но не тако уже учинилось, в том буди воля Божия“».[46]

В «Записках касательно российской истории» Екатерина II исключила этот «плач» киевского великого князя Святослава, кратко сообщив: «...Беловод возвестил ему (Святославу. — *Г. М.*) нещастие Игорево и его войск, весьма сожалел о том».[47]

И в «Истории российской», и в «Записках касательно российской истории» сообщено о том, как между половецкими ханами Кончаком и Гзой «учинилась распря» о направлении похода на русских: «Кончак говорил итти на Киевскую область, а князь Гзя советывал итти на Северскую землю, представляя, что тамо ни войск, ни воевод нет, остались токмо жены и дети».[48]

---

[43] Записки касательно российской истории. С. 138; История российская... Кн. 3. С. 265.

[44] Записки касательно российской истории. С. 139; История Российская... Кн. 3. С. 265.

[45] Записки касательно российской истории. С. 139; История российская... Кн. 3. С. 265.

[46] История российская... Кн. 3. С. 266.

[47] Записки касательно российской истории. С. 140.

[48] Записки касательно российской истории. С. 142; История российская... Кн. 3. С. 267.

Рассказ о пребывании Игоря Святославича в половецком плену близко совпадает в «Истории российской» и в «Записках касательно российской истории». Оба автора сообщают о том, что «Кончак князь, видя Игоря раненного, взял его на свои поруки» и что, находясь в плену, Игорь Святославич «во всяком довольствии содержан был». Однако в рассказе о подготовке побега Игоря из половецкого плена имеются небольшие расхождения между «Записками» и «Историей российской». Близкие к Игорю люди (его конюший и сын тысяцкого) убеждают его довериться половчанину Лаверу, который убеждает новгород-северского князя бежать из плена, обещая ему свою помощь. Игорь колеблется.

В. Н. Татищев. История российская...	**Екатерина II** Записки касательно российской истории
«Обо (сын тысяцкого и конюший. — *Г. М.*) паки пришед к Игорю, говорили ему: „Почто, княже, не соглашаешся с мужем сим; или ждешь как половцы возвратятся, которые есть ли им не удастся, положили тебя убить, тогда что твоя гордость и славолюбие поможет? Но паче погубиши жизнь со славою". Сим ужастися Игорь советовал с ними, как то учинить».[49]	«Сын тысяцкого ‹...› со конющим, пришед к Игорю, паки говорили ему о грозящей ему от половцов опасности по возвращении их, тогда Игорь начал советовать с ними и, согласясь с Лавром и с своими».[50]

Очень близко в «Истории российской» и в «Записках ‹...›» описано бегство Игоря из плена вместе с Лавром: «Седши на кони поехали сквозь жилища половецкие сам пять (в пятницу. — *Г. М.*), и ту ночь миновав все их обиталища, поехали чрез степь, и ехали два дни до Рускаго брода, оттуда пошел в свой Новгород, и не доехав (меньше полудниша) верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе Святаго Михаила остановиться и ночевать».[51] Далее рассказано о встрече Игоря со своею княгинею, которая, узнав о приезде мужа, «тот час вседши на кони, поехала к нему ‹...› Княгиня пришед так друг другу обрадовались, что обнявся и говорить от радости и слез ничего не могли».[52]

---

[49] История российская... Кн. 3. С. 270.

[50] Записки касательно российской истории. С. 146.

[51] История российская... Кн. 3. С. 271; Записки касательно российской истории. С. 147.

[52] История российская... Кн. 3. С. 271; Записки касательно российской истории. С. 147.

Рассказ о походе Игоря Святославича у В. Н. Татищева и у Екатерины II заканчивается одинаково: «...и была в Новеграде и по всей Северской земли радость неописанная. Радовалися же не мало и во всей Руской земле, зане сей князь своего ради постоянства и тихости, любим у всех был».[53]

Под 1187 г. и в «Истории российской», и в «Записках ‹...›« сообщено о том, что «приехал сын Игоря Святославича Владимир Игоревич из плена половецкого с княгинею половецкою Кончаковною; Игорь же обрадовался зело сыну, княгиню же окрести и с дитятем именовал Свобода, по том учинил свадьбу».[54] Под тем же годом помещено известие об освобождении из половецкого плена Всеволода Святославича «за порукою брата Игоря».[55]

Таким образом, уже к началу 80-х гг. XVIII в. Екатерина II владела комплексом исторических сведений о походе Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., о солнечном затмении перед началом выступления дружины, о первом победоносном сражении и о несчастливом поражении русского войска, о пленении Игоря, его брата Всеволода, сына Владимира и племянника Святослава, о бегстве Игоря из половецкого плена и о возвращении из плена сына Владимира с дочерью хана Кончака и брата Всеволода Святославича.

А. И. Мусин-Пушкин, с конца 80-х гг. XVIII в. владелец рукописного сборника со «Словом о полку Игореве», и его соратники И. Н. Болтин и И. П. Елагин не обладали в эти годы теми знаниями по истории России XI—XII вв., которые давали бы им возможность видеть в литературном памятнике отражение конкретных событий и действия исторических лиц. Убедительным свидетельством этого являются выявленные В. П. Козловым приписки И. П. Елагина на рукописи его «Опыта повествования о России» — самые ранние свидетельства о рукописи «Слова о полку Игореве».[56] Выписка о «Слове» сделана И. П. Елагиным красными чернилами на боковом поле черновой рукописи «Опыта повествования о государях российских и их царствованиях от великого князя Иоанна Васильевича Третьяго ‹...›»: «Мы можемъ притомъ показать, сохраненное от древности Похвальное Слово Игорю Свя[то]славичу внуку Олго-

---

[53] История российская... Кн. 3. С. 271; Записки касательно российской истории. С. 148.

[54] История российская... Кн. 3. С. 283; Записки касательно российской истории. С. 164—165.

[55] История российская... Кн. 3. С. 285; Записки касательно российской истории. С. 166.

[56] *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 23—31.

ву, въ его время, то есть, в начале XII века писанное ‹...›».[57] В первой писарской копии «Опыта» И. П. Елагина в данном отрывке зачеркнуты слова: «Свя [то] славичу внуку Олгову» — и наверху написано: «Олговичу»[58] (т. е. «Игорю Олговичу»). Во второй писарской копии слово «Олговичу», написанное в предшествующем списке над строкой, внесено в текст («Похвальное слово Игорю Олговичу») и повторено предположение о времени создания «Слова» в начале XII в.

Очевидно, в 1789—1790 гг. А. И. Мусин-Пушкин и его коллеги не знали еще о каком древнерусском князе шла речь в «Слове о полку Игореве». Вспомним, что сообщением об Игоре Олговиче заканчивается «Выпись хронологическая». Этот Игорь Олгович-брат Всеволода II, овладевшего в 1139 г. киевским престолом, получивший после смерти брата в 1146 г. великое киевское княжение. Он обладал тяжелым характером, как сказано в Радзивиловской летописи, поэтому его вокняжение «негодно бысть людем».[59] Киевляне пригласили Изяслава Мстиславича. Войско Игоря Ольговича было разбито, а он, пробыв на великом княжении 13 дней, «в заточение посажен», пострижен в монахи и в том же году убит в Киеве. Младший брат Игоря Ольговича, черниговский князь Святослав Ольгович (отец Игоря Святославича — героя «Слова о полку Игореве»), в течение многих лет вел междоусобную войну с «Давидовичами», врагами «Ольговичей». В 1164 г. он умер. Черниговский престол был занят «Ольговичем» Святославом Всеволодовичем, (будущим великим киевским князем, героем «Слова о полку Игореве»). А сыновья Святослава Ольговича, Олег и Игорь, поделили Северские Владения.

Все эти исторические сведения были хорошо известны Екатерине II — автору «Записок», и она могла в достаточной мере представить общие черты биографий и самих действующих лиц «Слова о полку Игореве», и их предков.

Владелец рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусин-Пушкин с 1775 г. после службы в армии занимал должность «церемониймейстера двора ея величества». С этого же года он начал собирать коллекцию «российских древностей»: рукописей, монет и других «раритетов». Не имея подготовки к занятиям историей, он объединил усилия своих друзей — «любителей российских древностей» И. Н. Болтина и И. П. Елагина — для изучения и публикации памятников Древней Руси, хранившихся в его «Собрании». Петер-

---

57 ГПБ. F. IV. 651/3, л. 206.

58 Там же, F. IV. 651/4, л. 151.

59 ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 113.

бургские коллеги А. И. Мусина-Пушкина также не были профессиональными учеными-историками, в отличие от его московских сподвижников — Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского, помогавших ему в окончательной подготовке рукописи «Слова о полку Игореве» к изданию и чтению корректур.

Прокурор Военной коллегии, генерал-майор И. Н. Болтин увлеченно пополнял свое образование в области изучения русской истории. Большое внимание на него оказала «История российская» В. Н. Татищева, впервые изданная в 1768—1784 гг. И. Н. Болтин высоко оценивал «Записки касательно российской истории», в которых императрица во многих отношениях следовала В. Н. Татищеву. Ко 2-му изданию пьесы Екатерины II «Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения театральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика» (СПб., 1792) И. Н. Болтин написал примечания, в которых, ссылаясь на В. Н. Татищева, подтвердил историческую достоверность событий, отраженных в этой пьесе.

Директор императорских театров, тесно связанный с Екатериной II в процессе ее работы над драматургическими сочинениями и их сценическим воплощением, И. П. Елагин в 1790 г. приступил к сочинению труда по русской истории «Опыт повествования <...> содержащий разсеяние народов по столпотворении и в Север пришествии». В числе своих главнейших источников И. П. Елагин называет «Записки касательно российской истории».[60] Это сочинение Екатерины II широко использовано в трех частях «Опыта», над которым он работал с 1790 по сентябрь 1793 г. (22 сентября 1793 г. И. П. Елагин умер).

Можно с достаточным основанием полагать, что и сам А. И. Мусин-Пушкин и его соратники по изучению «Слова» обратились к «Истории российской» В. Н. Татищева и к «Запискам касательно российской истории» с целью поиска там материалов, которые позволили бы им определить исторические биографии лиц, упоминаемых в поэме, наметить примерное время создания произведения. В найденных В. П. Козловым материалах наглядно видны эти поиски. Первыми «самовидцами» «Слова» в начале 1790 г.[61] было установлено, что в «Похвальном слове Игорю» речь идет об

---

60 ГПБ, F. IV. 651/2, л. 1 об.

61 *Моисеева Г. Н.* О времени ознакомления И. П. Елагина с рукописью «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 170—173; *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила: Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. Вып. 21. С. 62—73; *Козлов В. П.* Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Там же. С. 85—97.

«Ольговичах» — потомках Олега Святославича, что герой поэмы — Игорь (Святославич или Ольгович), а время создания произведения — начало XII в.

Следующий этап изучения «Слова о полку Игореве» представляет комплекс материалов, найденных П. П. Пекарским в 1864 г. в Кабинете Екатерины II. Это рукописная копия «Слова», перевод с комментарием и отдельно, на 3 листах, «Слово о полку Игореве. Содержание». В этом же конволюте находится рукописный «Родословник» — автограф Екатерины II и ее рукою переписанная «Выпись хронологическая из истории русской», продолженная от 1141 г. (где кончается печатное ее издание) до начала XIII в. Как уже отметил П. П. Пекарский, «в фолианте, в котором переплетен список («Слова о полку Игореве». — *Г. М.*), встречается очень много великокняжеских родословий, черченных и писанных самой Екатериною, видно, что она, занимаясь этим, желала уяснить себе родственные отношения разных княжеских родов: самая большая часть таких родословных заметок императрицы касается именно той эпохи и именно тех князей, о которых идет речь в „Слове о полку Игореве“».[62]

Естественно, возникает вопрос о датировке Екатерининской копии «Слова» и перевода его с комментарием. Высказанная мною научная аргументация, свидетельствующая о том, что Екатерининская копия и перевод подготовлены в начале 1792 г.,[63] не убедила В. П. Козлова. Он полагает, что использование «Родословника» Екатерины II, вышедшего из печати в 1793 г., свидетельствует о том, что «эти бумаги не могли быть подготовлены ранее 1793—1794 годов».[64] Но ведь нельзя не учитывать, что еще в 1773 г. Екатерина II предполагала дать Н. И. Новикову для публикации в «Древней российской вивлиофике» «Известия о родах княжеских и дворянских»,[65] подготовленных ею для «Собрания полной книги родословной». По сообщению секретаря императрицы А. В. Храповицкого, Екатерина II работала над «Родословной» в 1792 г.,[66] когда, вероятнее всего, он уже печатался в V части «Собеседника любителей российского слова», вышедшего из печати весною 1793 г. Любопытно

---

[62] «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумаг императрицы Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарского С. 7.

[63] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». М., 1984. С. 108—119.

[64] *Козлов В. П.* Некоторые вопросы изучения древнерусской поэмы в XVIII в. // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 173—175.

[65] Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. IV. М., 1802. С. 4. С. 43.

[66] Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. С. 393.

отметить, что Екатерина II продолжала работу над «Родословником» и после его выхода из печати. В Библиотеке Академии наук хранится подаренное императрицей отдельное издание «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика» 1793 г. в красном сафьяновом переплете с надписью: «Получено из высочайших ея величества рук для академической вивлиофики 1793 года апреля 25 дня». В этом экземпляре рукою Екатерины II внесены многочисленные поправки и добавления.[67]

Но главным остается следующий аргумент: А. И. Мусин-Пушкин и его соратники, используя печатное издание, всегда давали на него точную ссылку с указанием тома и страниц, что отчетливо видно при ссылках на «Историю российскую» В. Н. Татищева.[68] На «Родословник» в Екатерининском переводе ссылок имеется в два раза больше, чем на «Историю» В. Н. Татищева, не говоря уже о том, что значительная часть комментариев целиком передает его текст. Из этого наблюдения становится ясным, что А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин и И. П. Елагин, работая над рукописью «Слова о полку Игореве», пользовались не печатным, а рукописным текстом «Родословника». Об этом впервые аргументированно писал Л. А. Дмитриев.[69]

Естественно, что передача рукописного «Родословника» могла произойти по той причине, что А. И. Мусин-Пушкин сообщил императрице об имеющейся в его «Собрании российских древностей» уникальной рукописи — «Похвальном слове Игорю», которое не могло не заинтересовать Екатерину II.

В «Дневнике» А. В. Храповицкого под 7 ноября 1791 г. отмечена беседа с ним Екатерины II: «...призван для разговора об истории и о редкостях, представленных Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным. Это был рубль, неизвестно которого Владимира; в нем $^1/_4$ фунта чистого серебра». Очевидно, не только «Владимиров» рубль заинтересовал императрицу, а и исторические памятники и «редкости», которые усердно собирал А. И. Мусин-Пушкин. В связи с этим нужно припомнить, что 11 августа 1791 г. Екатерина II назначила А. И. Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода и издала указ, которым ему «дозволялось» приказывать из всех церквей и монастырей России привозить в Петербург рукописи, «касающиеся до истории». В автобиографии, написанной в третьем лице (как

---

67 БАН. Шифр: 1787/52.

68 См. перевод «Слова» с комментариями в бумагах Екатерины II (ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 38 об., 42 об., 44, 50, 52 об.).

69 *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 311—313.

было принято в XVIII в.) самим А. И. Мусиным-Пушкиным, он писал: «...таковое позволение доставило ему редкие исторические и дипломатические выписки и книги, а место его в Святейшем Синоде и короткое знакомство с духовными особами подали случай собрать множество древних рукописных и печатных книг, что весьма умножило и обогатило его собрание».[70]

Можно думать, что в 1791 г. Екатерина II передала А. И. Мусину-Пушкину рукописный «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», который послужил «любителям российских древностей» основным материалом для составления комментария к именам действующих лиц «Слова». В их распоряжении были «Записки касательно российской истории», опубликованные без указания имени автора, и четыре вышедших к этому времени тома «Истории российской» В. Н. Татищева. Поскольку А. И. Мусин-Пушкин и его сподвижники были членами Российской Академии, основанной в Петербурге в 1783 г. и приступившей к работе над «Словарем», в комментировании «Слова о полку Игореве» было использовано несколько слов в интерпретации «Словаря Академии Российской»: забрало, тур, буй, гоголь, крес.

Этот фонд основных источников и лег в основу текста примечаний к переводу «Слова», хранящегося в Кабинете Екатерины II. Д. С. Лихачев уже писал о том, что этот перевод и примечания, «весьма возможно <...> были спешно посланы Екатерине II в том экземпляре, который оказался у А. И. Мусина-Пушкина под рукой».[71]

Очень важен вывод Д. С. Лихачева: «Не может быть сомнений в том, что текст перевода „Слова о полку Игореве", найденный среди бумаг Екатерины II, не одновременен Екатерининской копии. Факт этот также до сих пор не обращал на себя внимания исследователей».[72]

Но что оказалось в руках у Екатерины II раньше: копия «Слова о полку Игореве» или его перевод с пояснительным комментарием? В настоящее время мы не можем ответить на этот вопрос.

На рукописной копии «Слова» сохранилось несколько приписок и отметок, сделанных рукою Екатерины II. Сопоставление их с переводом и печатным изданием «Слова о полку Игореве» 1800 г. позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

---

70 Вестник Европы. 1813. Ч. 71. С. 82—83.

71 *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 83—84.

72 Там же. С. 83.

Копия «Слова о полку Игореве» в бумагах Екатерины II	Перевод «Слова» в бумагах Екатерины II	Печатное издание «Слова о полку Игореве» 1800 г. Перевод
Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце[73] (подчеркнуто Екатериной II на поле: **воззрѣ**).	**В то время воззрѣвъ Игорь съ своимъ воинствомъ на свѣтлое солнце.**[75]	**Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое.**[77]
...А всядемъ братіе на свои бързыя комони[74] (подчеркнуто Екатериной II на поле: **борзыя кони**)	**Ты сѣдлай, брате, своихъ борзыхъ коней.**[76]	**Ты сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней.**[78]

На 29-м листе Екатерининской копии «Слова» подчеркнуто **«красныя Глебовны»**. На листе 29 об. на поле цифра «2» и подчеркнут текст: **«Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе»**.

В комментарии к переводу «Слова», хранящемся в кабинете Екатерины II, дан как бы ответ на эту отметку в копии: «19. Бориса Вячеславича по Родословнику не находится, а упоминается о Борисе Всеславиче, сыне князя Всеслава Борисовича, который был на княжении Полоцком от 1073-го по 1128-й год».[79] Любопытно отметить, что в печатном издании «Слова» в комментарии к этому имени «Родословник» не упоминается, а ссылки даны на Ростовскую и Никоновскую летописи, на «Нестора и Татищева» и на «поколенную роспись г‹осподина› Стриттера».[80]

На том же листе 29 об. Екатериной II на поле поставлены номера «3» и «4», а в тексте «Слова» подчеркнуты слова **«при Олзѣ Гориславличи»** и **«Даждь-Божа внука»**. Последние слова отмечены и на листе 30.

В переводе «Слова» **«Олзѣ Гориславличи»** оставлено без комментария. Можно думать, что А. И. Мусин-Пушкин и его сподвижники не смогли найти его ни в «Родословнике», ни в летописях. В пе-

---

[73] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 27 об.

[74] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 36.

[75] Там же, л. 37 об.

[76] Там же, л. 38.

[77] **Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ в исходѣ XII столѣтія съ переложеніем на употребляемое нынѣ нарѣчіе. М., 1800.** С. 5.

[78] **Ироническая пѣснь...** С. 5.

[79] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 42 об.

[80] **Ироническая пѣснь...** С. 15.

чатном издании «Слова» 1800 г. отмечено: «неизвестен».[81] А **«Даждь — Божии внуки»** прокомментировано так: «Дажбог был кумир, князем Владимиром в Киеве с прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель половцов именует внуками Дажбожевыми, точно сказать не можно».[82] В печатном издании сделана попытка ответить на недоумение комментатора рукописного перевода: «Кумир, в Киеве боготворимый,— податель всяких благ. Пользующиеся благоденствием, как даром Даждь-божевым, названы его внуками».[83]

На боковом поле листа 31 об. рукою Екатерины II написана цифра «5» и подчеркнуто слово **«время Бусово»**. В рукописном переводе это слово не имеет комментария, а в печатном издании 1800 г. написано: «Кто был Бус, не известно».[84]

На листе 32 копии «Слова о полку Игореве» на поле цифра «6» и подчеркнуты слова **«сыны Глѣбовы»** и **«Ты, буй Рюриче и Давыде»**. Ниже цифра «7» против подчеркнутой строки **«Галичкы Осмомысле Ярославе!»**

В комментарии к переводу «Слова» **«сыны Глѣбовы»** не нашли объяснения. В печатном издании помещен следующий текст: «Кого сочинитель сей поэмы разумеет под именем сына Глебова, решительно сказать нельзя ‹...›»[85] В рукописном переводе дан следующий комментарий: «В Родословнике упоминается о трех Рориках и о семи Давидах. Но из них ближайшие ко времени сего сражения были дети князя великого Ростислава I Мстиславича».[86] В печатном издании 1800 г. снята ссылка на «Родословник», но содержание оставлено почти без изменения: «Современные сему произшествию князья Рюрик и Давыд, сыновья великого князя Ростислава Мстиславича».[87]

В рукописном переводе к словам **«Галицкий Гостомысле Ярославе»** (вместо **Осмомысле**, как в копии): «По Родословнику современный сему сражению в княжении Галицком на Волыне был князь Ярослав I сын князя Владимира Володарича от 1153-го по

---

81 Там же. С. 16.

82 ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 43 об.

83 **Ироическая пѣснь**... С. 17.

84 Там же. С.26.

85 Там же. С. 28.

86 ЦГАДА, ф.10, оп.1, № 366, ч.7, л. 46 об.

87 **Ироическая пѣснь**... С. 29.

1188-ой год».[88] В печатном издании 1800 г.: «Князь Ярослав, сын князя Владимира Володарича Галичского».[89]

На 33-м листе Екатерининской копии «Слова» под номером «8», отмеченном на левом поле, в строке подчеркнуты слова **«Изяславъ сынъ Васильковъ»**. В рукописном переводе объяснено: «Изъяслава сына Василькова по Родословнику не значит; а упоминается о девяти Изъяславах; из них, однако, чтоб один кто с Литвою воевал, сего летописи не показывают».[90] В печатном издании «Слова» к Изяславу относится следующий комментарий: «О бедственной участи князя Изяслава летописатели русские умолчали».[91]

Последний номер «9» на листе 33 об. относится к подчеркнутой строке: **«Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ»**. Следует сказать о том, что в бумагах Екатерины II, касающихся «Слова о полку Игореве», выше упоминались два листа, переписанные тем же почерком, что и копия, под заглавием: «Слово о полку Игореве. Содержание». В конце сообщено: «Княгиня Ярославна, супруга младого Владимира князя Путивлльскаго в печали своей приходит до отчаяния. Она, сидя на градской стене, возносит жалостный глас свой то к солнцу, то к ветру, то к реке Днепру».[92] Текст «Содержания», очевидно, был подготовлен теми же лицами, кто готовил (не переписывал, а именно готовил) древнерусский текст копии «Слова о полку Игореве». Интересно отметить, что в рукописном переводе не имеется комментария к имени Ярославна. На этом листе 50-м объяснены слова: бебрян, забрало, ковыль. Причем не под номерами, а под условными значками на левой половине листа, а один внизу.

Если попытаться сделать анализ подчеркиваний отдельных слов в копии «Слова о полку Игореве», то становится ясным, что Екатерина II обращала внимание на исторические лица, упомянутые в поэме, с целью уточнения сведений о них. И комментаторы перевода, пользуясь, в основном, «Родословником», большей частью ответили на запросы императрицы. Известие о том, что Ярославна является супругой «младого князя Владимира», сообщенное в изложении содержания «Слова о полку Игореве», естественно, не могло удовлетворить Екатерину II, которая в «Записках касательно российской истории» писала о том, что сын Игоря Святославича Новгород-Северского вернулся после побега отца из плена с половецкой княжной, дочерью князя Кончака, которая крестилась под именем Свобода и обвенчалась с путивльским князем Владимиром.

---

88 ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 47.

89 **Ироническая пѣснь**... С. 30.

90 ЦГАДА, ф. 10, оп.1, № 366, ч. 7, л. 48 об.

91 **Ироническая пѣснь**... С. 33.

92 ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 150.

Если бы владелец рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусин-Пушкин и его сподвижники И. Н. Болтин и И. П. Елагин смогли ответить на это замечание Екатерины II, как сделали они это на предшествующие ее пометки на копии «Слова», то несомненно поместили бы историческую справку о Ярославне, которая в Путивле заклинает природные стихии спасти ее «ладу».

Но в то время, когда Екатерина II читала перевод «Слова» с комментариями, из которых десять были ответом на ее пометы в копии, она и сама ничего не знала о Ярославне. Иначе она что-либо вписала бы в комментарии к переводу, как она сделала это, своею рукою добавив на первом листе перевода: «Игорь Святославич был сын князя Святослава Ольговича Новгородско-северскаго, внук Ольга Святославича Тмутараканскаго, вступивший на княжение Новгородско-северское после Ольга Святославича, внука Ольгова в 1180-м году. Он был отлично храбрый князь, ревностный Отечества защитник и имел с половцами непримеримую вражду. *Сражение сие по летописям последовало в 1185-м году*».[93] На листе 40 об. рукою Екатерины II добавлено слово «князя» в примечание 15-е к переводу «Слова о полку Игореве».

Самым любопытным является то, что в печатном «Родословнике князей великих и удельных рода Рюрика», являющемся V частью «Записок касательно российской истории», вышедших в 1793 г. и в том же году изданных отдельною книгой, дважды сообщены сведения о супруге Игоря Святославича: первый раз в связи с сообщением о смерти Ярослава Владимировича Галицкого; второй раз — при известии о смерти Игоря Святославича. Приведем эти сведения: «В 1188 году октября 1 дня, преставился князь Ярослав Владимировичь Галичский. Супруга его была княгиня Ольга, во святом крещении Елена, дочь князя великого Юрия Владимировича Киевского, свадьба была в 1150 году, она скончалась во Владимире на Клязьме июля 4 дня 1182 года ‹...› У князя Ярослава Владимировича было три сына: 1. князь Владимир ‹...› 2. Князь Константин. 3. Князь Ольг, да дочь 4. княжна Евфросиния, супруга князя Игоря Святославича Северского, свадьба была в 1184 году».[94]

«1201 г. В том же году преставися князь Игорь, во святом крещении Георгий Северский, сын князя великого Святослава Ольговича, родился в 1151 году, женился в 1184 году, взял княжну Евфросинию, дочь князя Ярослава Владимировича Галичскаго».[95]

---

[93] Курсивом отмечен автограф Екатерины II (ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 36).

[94] Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793. С. 139—140.

[95] Там же. С. 159.

Из приведенных сведений, почерпнутых из печатного «Родословника», совершенно очевидно, что к весне 1793 г. (времени выхода «Родословника» в журнале «Собеседник любителей российского слова» и отдельным изданием) о супруге князя Игоря Святославича Новгород-Северского было уже известно, что она дочь Ярослава Галицкого и Ольги Юрьевны (дочери Юрия Долгорукого). В связи с этими наблюдениями становится ясным, что в том рукописном «Родословнике», который был передан Екатериной II владельцу «Слова о полку Игореве» и его ближайшим петербургским сотрудникам, не было еще сведений о супруге Игоря Святославича Новгород-Северского. И это еще раз подтверждает вывод о том, что и копия «Слова о полку Игореве» и перевод его с комментариями, приготовленными для Екатерины II, были сделаны, как писал уже Д. С. Лихачев, «в спешном порядке»[96] и, как теперь можно полагать с большим основанием, в 1791—самом начале 1792 г.

Но где же Екатерина II нашла материал о супруге Игоря Святославича (ее имени, ее роде, годе их свадьбы), который включила в печатный «Родословник» 1793 г.?

Выше уже неоднократно приходилось говорить об исключительном внимании Екатерины II к трудам В. Н. Татищева по истории России. В Эрмитажном собрании ГПБ хранится текст «Правды русской» с переводом и комментарием В. Н. Татищева,[97] «Предъизвещение к генеральной Российской истории» в списке второй половины XVIII в.[98] и сборник сочинений и материалов с надписью «Tatischtschevs Schriften. Татищевы летописи».[99]

Этот последний сборник, названный «Tatischtschevs Schriften», по мнению С. Л. Петшича и С. Н. Валка, был приготовлен Г. Ф. Миллером для Екатерины II из имевшихся в его распоряжении списков отдельных частей «Истории российской» и других сочинений.[100]

В «Росписи, содержащимся всей книге <...> рукописям» на листах 281—294 указан раздел под названием: «Рождения князей русских, браки и кончины».[101] В сведениях о рождении интересующих нас лиц читаем:

---

96 *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». С. 83.

97 Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. С. 101.

98 Там же.

99 Там же. С. 101—102.

100 *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. ч. 1. С. 265—269; *Валк С. Н.* «История российская» В. Н. Татищева в советской историографии // История российская. Л., 1968. Т. 7. С. 35—37.

101 ГПБ, Эрмитаж. собр., № 555, л. 281.

«Рождение князей руских сея части назначено.
1151 Игорь Георгий Святославичь.
1172 Владимир Петр Игоревичь.
1176 Олег Павел Игоревичь.[102]
Браки князей руских».
1184 Игорь Святославичь на дочери Ярослава Галицкого».[103]
«Кончины князей руских назначено».

В этом разделе много отметок карандашом красно-кирпичного цвета с левой стороны около даты смерти. Отметим особый интерес к полоцким князьям:

«976 Рохволд князь Полоцкий.
1001 Изяслав Володимеровичь Полоцкий.
1003 Всеслав Изъяславичь Полоцкий.
1044 Брачислав Полоцкий.
1101 Всеслав Полоцкий, сын Брачислава.
1113 Роман Вечеславичь Полоцкий.
1119 Глеб, сын Всеслава Полоцкого.
1128 Борис Всеславичь Полоцкий.
1134 Изяслав Глебовичь Полоцкий.
1158 Княгиня Глебова Всеславича,
Димитрия Ярополка Изяславича».[104]

Эти материалы вошли и в «Родословник», и в комментарий к переводу «Слова о полку Игореве».

Далее отмечены кончины князей Ольговичей:

«1190 Святополк Игоревичь Северский.
1200 Ярослав Всеволодичь Черниговский.
1201 Игорь Святославичь Черниговский.
Ефросинья.
1212 Володимер и Роман Игоревичи в Галиче побиты».[105]

«Роспись» кончается сведениями о князьях, «На Калке побитых». Важно отметить, что в числе их названы два сына князя Игоря Святославича — Святослав Игоревич и Изяслав Игоревич.[106] Эти сведения перенесены Екатериною II в качестве дополнительных в рукописный «Родословник», переписанный ее рукою, куда уже включены известия о супруге Игоря «княгине Ефросинии, дочери Ярослава Владимировича Галичскаго» и шести его сыновьях.[107]

---

[102] Там же, л. 231 об. —282.

[103] Там же, л. 286.

[104] Там же, л. 290—291 об.

[105] Там же, л. 293—293 об.

[106] Там же, л. 294.

[107] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 5, л. 66 об. —67.

В предисловии к копии «Слова о полку Игореве», относящейся к концу XVIII в., названа «супруга Игорева Ефросинья Ярославна».[108]

В печатном издании «Слова о полку Игореве» 1800 г. при первом упоминании имени «Ярославна» без сноски на источник дан комментарий: «Супруга князя Игоря Святославича, дочь князя Владимировича Галичскаго». Имя ее упоминается в **«Историческом содержании пѣсни»: «Игорева супруга княгиня Ефросиния (дочь князя Ярослава Владимировича Галичскаго), оставшись в Путивлѣ, возносит жалобный голос свой то к ветру, то к солнцу, то к реке Днепру».**[109]

Как видим, помощь Екатерины II в уяснении исторических реалий «Слова о полку Игореве» была очевидной. И не так уж «ласкателен» был А. И. Мусин-Пушкин, когда писал в предисловии к изданию «Духовной» Владимира Мономаха в 1793 г. с многочисленными ссылками на печатный «Родословник»: «Знатно историю отечественную обогатил вышедший недавно в свет Родословник, помещенный в пятой части Записок касательно Истории Российской».[110]

В следующем, 1794, году А. И. Мусин-Пушкин напечатал «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения». Книга открывалась следующим посвящением:

«Екатерине Великой.

Всемилостивейшая государыня!

Твое высочайшее исполняя веление, я сие исследование предпринял; твоим мудрым наставлением обогащаем, продолжал; твоим высоким покровом осеняем, тиснению предал, твоему же священнейшему имени труд мой и посвятить дерзаю

верноподданный Алексей Мусин-Пушкин».

И в этом посвящении в словах «твоим мудрым наставлением обогащаем» была, несомненно, значительная доля истины. Екатерина II, достаточно серьезно в течение многих лет занимавшаяся русской историей, собравшая в своей библиотеке древние рукописи, сочинения историков и книги, оказывала А. И. Мусину-Пушкину помощь в его работе по изданию древних русских памятников из его «Собрания».

6 сентября 1795 г. А. И. Мусин-Пушкин обратился с письмом к

---

108 ГПБ, XV. 50, л. 133.

109 **Ироническая пѣснь**... С. VI.

110 Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793. С. III.

правителю канцелярии кабинета Екатерины II В. С. Попову. Приводим его полностью:

«Милостивый государь мой Василий Степанович!

Полученные от Вашего превосходительства известныя бумаги при сем возвращаю с истинною моею благодарностию. Я занимался в прошедшия дни чтением оных с крайним прилежанием: и ко удивлению моему, нашел здесь многое, чего ни у Татищева, ни в других летописях, ни в самых Записках нет. Родословие князей удельных выведено с такою точностию, что лучше желать невозможно. Велик поистине труд, и для истории Отечественной много подает свету. Я посредством сих Таблиц нашел совершенную развязку неизвестных, и о коих тщетно искал объяснения в других летописях; которыя и покажу Вам, ежели угодно, как скоро перепишут. Внесенные в некоторых местах, хотя кратко, Исторические деяния послужат писателям истории руководством к точнейшему Истинн исторических открытию».[111] На листе 5 приписка рукою В. С. Попова: «Сей отзыв есть о Хронологическом списке, над которым изволила трудиться ея императорское величество».[112]

Впервые привлекая это письмо А. И. Мусина-Пушкина, я полагала, что речь в нем шла о материалах, связанных с «Родословником» Екатерины II, поскольку А. И. Мусин-Пушкин прямо писал об этих бумагах: «Родословие князей удельных выведено с такою точностию, что лучше желать невозможно».[113] В. П. Козлов подверг критике это мое высказывание.[114] Но выдвинутое им предположение о том, что возвращенные А. И. Мусиным-Пушкиным в 1795 г. в кабинет императрицы бумаги представляли собой «труд А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева „Исторические оригинальные выписки“», которые они готовили для Екатерины II, не может быть принято. Во-первых, «Исторические выписки» были присланы Екатерине II в 1795 г., а А. И. Мусин-Пушкин 6 сентября этого года возвратил эти «известные бумаги» в кабинет, предварительно изучив их и использовав в своих работах, которые он предлагал «как скоро перепишут», показать В. С. Попову. Во-вторых, «Исторические оригинальные выписки» А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева сохранились в Кабинете Екатерины в ЦГАДА, в БАН, в ЛОИИ. Они относятся к событиям XIV в., времени княжения Димитрия Донского, к Куликовской битве и Житию Сергия Радонежского. Но они совершенно не подходят под ту краткую характеристику, которая дана «известным бумагам» в письме А. И. Мусина-Пушкина.

---

111 ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4—4 об.

112 Там же, л. 5.

113 *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976. С. 63—64.

114 *Козлов В. П.* Некоторые вопросы изучения древнерусской поэмы в XVIII в. С. 174.

Некоторый свет на характер этих «бумаг» проливает приписка В. С. Попова: «Сей отзыв о Хронологическом списке, над которым изволила трудиться ея императорское величество».[115]

Выше уже приходилось говорить о том, что в самом начале 80-х гг. XVIII в. в Петербурге была напечатана «Выпись хронологическая из истории руской», охватывающая события за 860—1141 гг. В Кабинете Екатерины II, находящемся в ЦГАДА, в одном блоке с копией «Слова о полку Игореве», его переводом с комментарием, с запросами в древние русские города (Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский) «реестров рода Рюрикова ‹...› также и супруг тех князей», находится рукописное продолжение «Выписи хронологической», доведенное до начала XIII в., т. е. до татаро-монгольского нашествия. Этот труд Екатерины II сделан, как и его печатный предшественник, в виде разграфленных таблиц, в верхней части которых назван город, а в нижней части — князь, владеющий этим городом. А еще ниже оставлено место для дополнительных сведений об особых событиях, оказавших влияние на русскую историю. Связь этих рукописных таблиц с интересом Екатерины II к «Слову о полку Игореве», отмеченная обнаружившим эти бумаги в 1864 г. П. П. Пекарским, несомненна.

В «Выписи хронологической по истории руской» дан как бы «хронологический срез» — обозрение удельных княжений по «родовым гнездам». Большое место в ней занимают «Ольговичи»:[116] князь Игорь Святославич княжит в Новгороде Северском, его сын Владимир — в Путивле, брат Всеволод — в Трубчевске, а в Рыльске — Давид Ольгович, сын Ольга Святославича, ходившего в 1185 г. вместе с Игорем Святославичем в поход против половцев и не вернувшегося домой. Следовательно, этот «срез» относится ко времени после 1186—1187 гг. В Галицком княжении назван внук Ярослава Владимировича — Мстислав Владимирович. В Теребовле — Роман Игоревич, сын Игоря Святославича Новгород-Северского. Он был убит в Галиче в 1212 г. Значит, здесь Екатериной II уточнено время событий — до 1212 г.

В то время, когда А. И. Мусин-Пушкин «посредством сих таблиц», как он сообщает в письме В. С. Попову, нашел объяснение «исторических деяний», о которых не смог ранее найти ответы в летописях, он занимался этими материалами один. Его соратники умерли: И. Н. Болтин 6 октября 1792 г., И. П. Елагин 22 сентября 1793 г. Знакомство А. И. Мусина-Пушкина с Н. М. Карамзиным, который, как это убедительно показал Л. А. Дмитриев, не прини-

---

115 ГПБ, ф. 609, № 244, л. 5.

116 ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 6, лл. 181—188 об.

мал непосредственного участия в работе над рукописью «Слова о полку Игореве»,[117] началось с 1797 г. В 1797 г. А. И. Мусин-Пушкин получил отставку с поста обер-прокурора Синода и в 1798 г. переехал в Москву. Помощь в подготовке к изданию «Слова о полку Игореве» стали оказывать ему крупнейшие русские археографы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский.

После смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г. ее наследник Павел I, как известно, стремился всячески уничтожить память о покойной императрице. А. И. Мусин-Пушкин провел в своей работе над «Словом» тщательное цензурирование: были изъяты все ссылки на «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», частично замененные на «Историю российскую» В. Н. Татищева, частично оставленные без указания источника сведений. Но во введении к печатному изданию 1800 г., названному **«Историческое содержание пѣсни»**, остались непосредственные следы использования формулировок Екатерины II, относящихся к описанию похода Игоря на половцев в 1185 г. в ее «Записках касательно российской истории». Вспомним приведенное выше сравнение обращения Игоря к войску во время затмения солнца: «Суеверы всячески убеждали князя Игоря оставить свое предприятие; он не послушал их, и отвечал на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что он назад никак не воротится и что стыд ему тягчае смерти».[118] В «Записках касательно российской истории»: «‹...› Игорь ответствовал: „всякое чрезвычайное приключение, слабаго духа, как то, робкие, боязливые и суеверы, прдзнаменованием толкуют ‹...› что стыд тяжчае смерти, а лутче, положась на волю Божию, итти на неприятеля».[119] В «Истории российской» В. Н. Татищева, как мы показали выше, аргументация князя Игоря была совсем другая.

Личность Екатерины II, круг ее интересов и знаний оказали влияние на работу А. И. Мусина-Пушкина и его сподвижников над рукописью «Слова о полку Игореве».

Использование кружком «Любителей российских древностей» подготовленных ею материалов, участие ее в историко-филологических разысканиях, касающихся раскрытия содержания памятника, дают основание считать, что Екатерина II была причастна к самому раннему этапу изучения рукописи «Слова о полку Игореве».

---

117 *Дмитриев Л. А.* Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1962. Т. 18. С. 38—49.

118 **Ироническая пѣснь**... С. IV.

119 Записки касательно российской истории. С. 133.